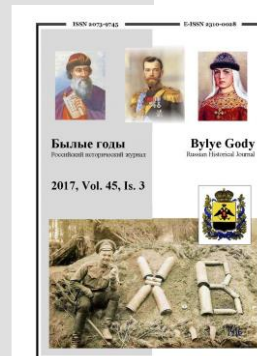

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1127-1135, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1127
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Socio-psychological Bases of the Views of Workers' Ideas of Mining Ural on Socialism in 1917

Yuriy D. Korobkov ^{a, *}, Andrei G. Dorozhkin ^a, Olesya Yu. Starodubova ^a

^a Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

Based on a wide variety of engaging published and archival sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, the article attempts to analyze the socio-psychological characteristics of the Urals mining and metallurgical workers, who contributed to the success of socialist propaganda among them in 1917. As a result of the research we have come to concluded that the breeding ground of perception of socialist ideas have become such "homegrown" phantoms of consciousness, as a justification of their rights to the property of its labor origin and the right prescription, paternalistic and dependency understanding of social justice, relating to equality as the equalization, the perception of freedom as a universal liberty and permissiveness and impunity related to violence as a universal, effective and clear way for them to deal with personal, group and national problems. They are not only the basis of the perception of the reality of work and the corresponding rectification socialist rhetoric of political parties, but also the mental matrix of sociocultural simplify future socialist society. Along with it, verbal registration of a new socio-political situation socialist cliches and the whole lexical stamps and their mass broadcasting in everyday life of social bottoms didn't mean their conscious political choice, and in total with the aggressive nature of social movements were means of elementary social survival. As, this process happened within traditional political culture and adaptation models habitual to masses, development of new social reality was in many respects carried out by general kickback in the past.

Keywords: Workers of the Urals, socialism, property, freedom, equality, social justice, advocacy.

1. Введение

В историографии и социологии революции существует множество точек зрения относительно характера и направленности трансформации России от февраля к октябрю 1917 г. и причин победы большевиков (Шепелева, 2005). При наличии различных оценок тех или иных аспектов российского революционного процесса, специалисты сходятся в том, что одним из главных факторов победы большевиков стала ментальная и социокультурная готовность социальных низов к восприятию социалистических идей. На нее ориентировались революционные народники 1870-х гг., представители различных направлений социалистического движения конца XIX – начала XX в. Об обреченности России на социализм в начале XX в. устами Н.А. Бердяева говорили представители научной и творческой интеллигенции (Бердяев, 1990б: 9). В основе подобных взглядов лежали эсхатологическая и социально-психологическая составляющие. Последняя заключалась в особенностях общинной психологии российского крестьянства и ее влиянии на рабочий класс в рамках народнической идеологии и в формировании у него таких пролетарских качеств как сознательность, организованность, сплоченность с позиций марксистской парадигмы. Между тем, известный ураловед А. Митинский в начале XX в. писал о «социалистических взглядах» местных

* Corresponding author

E-mail addresses: n.nyakkinen-56@yandex.ru (Yu.D. Korobkov), andrew-67@mail.ru (A.G. Dorozhkin), Starodubova_olesya@mail.ru (O.Yu. Starodubova)

рабочих не с точки зрения той или иной теории, а в контексте влияния на них «оригинального строя» горнозаводской промышленности края. С учетом этого, их анализ на региональном уровне Урала позволит дополнить и расширить существующие в литературе подходы.

2. Материалы и методы

2.1. Для анализа выделенных исследовательских задач используются разнообразные опубликованные и неопубликованные источники из центральных и местных архивов. Основное внимание уделяется документам, вышедшим из рабочей среды (прошения, обращения, письма). Их анализ в совокупности с источниками официального происхождения позволяет лучше понять мотивацию и стереотипы поведения рабочих Урала в 1917 г.

2.2. Тема исследования находится на пересечении нескольких современных направлений исторической науки: социальная история, история повседневности, история ментальности. Данные научные подходы в исследовании целесообразно дополнить методами смежных гуманитарных дисциплин. Из арсенала «смежников» наибольший интерес для нас представляют концепция «архаизации» сознания, которая говорит о воспроизводстве в критических, неопределенных ситуациях древних моделей поведения, социологическая концепция базовых ценностей и разработанная школой «Анналов» концепция автоматизмов сознания и поведения в рамках истории ментальности, которые формируют устойчивые поведенческие коды людей на протяжении длительного исторического периода. Использование указанного методологического инструментария в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции и общеисторическими методами позволяет достоверно и объективно решать поставленные задачи.

3. Обсуждение

Проблема восприятия и усвоения российскими рабочими социалистических идей как одного из важнейших факторов поддержки ими большевиков и их победы в октябре 1917 г. по-разному трактуется в литературе. Общепринятым постулатом советской историографии являлся тезис об их высоком уровне сознательности, организованности, классовой сплоченности, в силу чего идеи социализма были близки и понятны им (Заболотный и др., 1997). В современной историографии акценты смещаются к проблеме соотношения традиционализма и модернизма в социальной психологии отечественного рабочего класса. Уже в начале 1990-х гг. появились работы, в которых обосновывался вывод о преобладающем воздействии на рабочих национальных традиций самоорганизации и трудовой демократии (Абросимова, 1994). Сегодня такой подход утвердился, и общинный фактор рассматривается как выражение национального варианта модернизации (Миронов, 1999). Влияние региональной специфики горнозаводской системы на социальную рефлексию уральских рабочих рассматривается и в современном ураловедении. В работах Н.Н. Алеврас (Алеврас, 1996), М.А. Фельдмана (Фельдман, 2001), Ю.Д. Коробкова (Коробков, 2010) выделяются присущие им социально-психологические особенности, но проблема их взаимодействия с теорией социализма, как правило, не ставилась. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел.

4. Результаты

Основой экономического блока «социалистической доктрины» уральских рабочих являлся стереотип трудового происхождения собственности, в соответствии с которым они относились к заводам как предприятиям «принадлежащих во многих отношениях рабочему населению, работающему на них» (Митинский, 1909: 61). Эти представления обосновывали их абсолютную уверенность в своих законных правах на заводскую собственность как созданную и приумноженную трудом многих поколений мастеровых и являлись народно-правовой легитимацией их практических действий.

Именно так рассуждали рабочие Златоустовского завода в ноябре 1905 г., когда просили уступить им здание Арсенала для своих собраний. «Здание, построенное их дедами и отцами, несомненно, должно принадлежать самим рабочим», – утверждали они (ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1049. Л. 15). Во время волнений на Кыштымском заводе в ноябре 1905 г. рабочие говорили, что все заводы являются их собственностью, так как «они давно отработали их владельцам» (Высший подъем, 1955: 816). Обосновывая законность свободы горных промыслов для рабочих, доверенные общества мастеровых Нижне-Тагильских заводов заявляли о своих правах на их самостоятельную разработку поскольку все «месторождения на надельных землях открыты самими мастеровыми» (Алеврас, 1996: 170).

Подобные представления имели глубокие исторические корни и характеризовали поведение уральских рабочих еще в период крестьянской войны 1773-1775 гг. Уже в то время, по оценке А.А. Савича, мастеровые не отделяли себя от производства, заводскую казну рассматривали как свою, «мирскую» и поэтому не пошли за Пугачевым, остались на заводах и внимательно, самоотверженно, «почти без чувствования тягости, надеясь на обещанные льготы и вольности», стремились их укрепить и защитить от разграбления (Савич, 1931: 31-34).

Специфика «оригинального строя» горнозаводского Урала и социального облика его рабочих,

который многие исследователи определяют как «полурабочий-полукрестьянин», сформировали и их особое отношение к земельной собственности. В основе этих представлений лежала искренняя вера рабочих в то, что земли принадлежат им по праву давности. «Мастеровые издавна, с самого основания заводов, расчищали... пашни и покосы», которые «переходили из поколения в поколение от отца к сыну, обменивались, перепродавались; эти сделки не только производились с ведома заводского управления, но и скреплялись его властью. Население усвоило взгляд на такие рощистки, как на свою собственность, нажитую трудом своим и своих предков» (*Исторический очерк, 1896: 88*), – отмечали эксперты в конце XIX в.

В результате, по свидетельству И.Х. Озерова, в последние полтора–два десятилетия XIX в. в ряде горных округов Урала взаимоотношения между заводами и населением приобрели характер непрерывной войны. Только в одном Кыштымском округе заводоуправление составило свыше 600 протоколов по использованию рабочими покосов. По сообщению товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда в июне 1898 г., в Гороблагодатском и Нижне-Тагильском горных округах «резко выросло количество споров на земельной почве, которые перешли на уголовную почву в виде возбуждаемых заводоуправлениями многочисленных дел о самовольном сенокосении и самовольных порубках леса...» (*Положение рабочих, 1960: 153*). В целом, как отмечалось в докладе министра земледелия и государственных имуществ 6 ноября 1895 г., рабочие частных заводов «до сих пор продолжают считать всю заводскую землю своей собственностью и не желают входить в какие бы то ни было соглашения даже тогда, когда последние согласны предоставить им землю в пользование хотя бы бесплатно» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 27. Л. 117*).

Отношение рабочих к собственности вне зависимости от ее формы, частной или государственной, характеризовалось также социально-психологическим стереотипом «мы – они» = «своя – чужая». Именно он определял их стремление к получению и увеличению первой, неуважение и насилие по отношению ко второй. Проявления антисобственнических настроений распространялись, в первую очередь, на земельную и заводскую собственность. Особенно широкое распространение они получили в годы первой российской революции в форме разграбления заводского имущества. По сообщению управляющего Демидовских заводов, в ноябре 1905 г. в Кизеле «толпа грозит убивать, разграблять, заливать шахты» (*РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 114*). В донесении товарищества Сергинско-Уфалейских заводов 9 декабря 1905 г. отмечалось, что «население большинства заводов считает, что вся земля в радиусе 15 верст от заводов принадлежит ему...» (*Высший подъем, 1955: 825*). В 1907 г. поджигали имущество завода и его служащих рабочие Каменского, Надеждинского, других предприятий края. Обобщая эту ситуацию, совещание уральских промышленников 18 января 1906 г. отмечало, что после Манифеста 17 октября «население под влиянием агитации потеряло веру в своих претензиях, считая упраздненным все законы, ограждающие земельную, лесную и заводскую собственность» (*РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 234. Л. 68*).

Эти взгляды явились социокультурной и психологической основой массовых экспроприаций после Октября 1917 г. Не случайно, еще в 1925 г., отмечая одновременный характер национализации на Симском, Миньярском, Ашинском, Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Юрюзанском заводах, опередивший революционный центр страны, И. Подшивалов указывал на вторичность фактора уровня политической активности рабочих (*Подшивалов, 1925: 12*). В данной ситуации идеологические конструкции ложились на сформированную в веках ментальную матрицу горнозаводских рабочих, легитимировали их действия и придавали уверенность в правоте своей позиции. В целом, взгляды уральских рабочих находились в общероссийском ментальном пространстве и коррелируются с крестьянским императивом трудового происхождения собственности, который отличался от общепринятых формально-юридических норм, и с оппозицией «мы – они». В основе такого отношения лежало убеждение крестьян, что земля и недра имеют природное происхождение и, пока к ним не приложен человеческий труд, собственностью не являются.

Наряду со своеобразным толкованием социальными низами экономической основы социализма понимание ими категорий социальной справедливости, равенства, свободы, составлявшими политико-идеологический каркас социалистической доктрины, также было далеко от книжных теоретических построений, трактовалось по-своему, в соответствии с вековыми стереотипами. В идеологических конструкциях они видели, прежде всего, инструмент реализации своих представлений о сущем и должном, устройства жизни на их основе и адаптировали их под свои представления.

В основе понимания уральскими рабочими справедливости лежало их особое представление об «историческом долге» заводов перед ними. В этой системе координат рабочие гордились своей социальной ролью творца и созидателя материальных благ, считали привычными установившиеся отношения между трудом и капиталом по принципу «одни работают, другие управляют», свыклись с существующей системой эксплуатации и наказаний, и все проявления несправедливости в их представлениях так или иначе были связаны не со сложившейся системой отношений, а с ее нарушениями со стороны хозяев и их злоупотреблениями своим положением.

Не случайно, наиболее ярким проявлением несправедливости в пореформенный период рабочие считали отмену обязательственных отношений, приведшую к ликвидации государственной и частной опеки над ними. Мастеровые Камбарского завода в 1873 г. были недовольны передачей

хороших мест под покосы посторонним людям, а самых плохих заводским жителям (РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 280. Л. 4), рабочие Очерского завода в 1873 г. обижались на свое начальство за уменьшение количества представляемого им леса, введение оплаты за него, сокращение количества земли (Положение рабочих, 1960: 405). В связи с прекращением обязательств заводчиков заботиться о пенсионерах, типичными становятся их жалобы о том, что хозяева не давали им «никаких работ, и земли для сенокоса, и хлебопашества, и лесу для отопления...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 181. Л. 12).

Другим проявлением концепции «исторического долга» являлись регулярные апелляции рабочих к властным структурам с целью предотвращения массового сокращения производства. Рабочие, полагавшие, что заводоуправления обязаны предоставить им необходимый для содержания семьи объем работ, считали иной порядок вещей «колоссальной несправедливостью и незаконным поступком» (Митинский, 1909: 97) и постоянно обращались к администрации, в вышестоящие инстанции с требованиями и просьбами предоставления им полной занятости. Суть этих предложений, сформулированных рабочими мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода в 1891 г., сводилась к гарантированному обеспечению их труда со стороны хозяев «настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьей не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жизненных потребностей» (РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1743. Л. 6).

Массовость подобных жизненных практик определялась, прежде всего, влиянием сложившихся на дореформенном Урале и закрепившихся в сознании населения традиций, обычаев, норм и образцов поведения, которые формировали соответствующие способы рефлексии после отмены крепостного права. По свидетельству рабочих Ижевского завода в апреле 1885 г., вплоть до 1867 г «всякие заботы о существовании их всецело лежали на правительстве, которое в лице заводской администрации давало им работу, кормило, учило, лечило их, словом со дня рождения каждого рабочего до могилы думало и заботилось об его физическом и духовном существовании. В такой обстановке родилось и прожило несколько поколений» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 187), что сформировало у них убеждение в незыблемости данных порядков.

В целом, все факты жизнедеятельности, квалифицируемые рабочими как проявление несправедливости, свидетельствуют о стремлении к консервации с их стороны патриархальных отношений, об их консерватизме, уравнительности. Именно подобные подданныческие установки являлись питательной почвой для возрождения «коммунистического самодержавия» большевиков после октября 1917 г.

Представления уральских рабочих о равенстве находились в общенациональном ментальном пространстве и ассоциировались с уравнительностью. В отличие от общинной психологии российского крестьянства на уравнительную психологию уральских рабочих оказывала влияние, прежде всего, специфика окружной системы. Как отмечал Р. Попов, в середине XIX в. «половина всего мужского населения заводов занята была горнозаводским трудом»; остальная распределялась по другим работам, связанным с основным производством. В результате, «как ни скудно было содержание трудящегося на заводах населения, оно все-таки обеспечивалось за всеми» (Попов, 1874: 361).

В пореформенный период, несмотря на отмену данной системы, рефлексии рабочих определяли, главным образом, сложившиеся установки дореформенной психологии. По-прежнему, это проявлялось в стремлении обеспечить всех работой и одинаковым заработком. Причем, оно характеризовало действия рабочих не только в типичных ситуациях различных производственных конфликтов, происходивших на этой почве, когда, например, рабочие Чермоозского завода, добившиеся повышения на 15 % заработной платы в результате забастовки зимы 1905–1906 гг., «решили общую сумму заработной платы возможно равномернее распределить по цехам, не давая никому преимуществ» (РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 361. Л. 62), или в практике «гулевых дней», «когда работают из трех недель две или по 4 часа в сутки, чтобы дать работу возможно большему числу лиц, и работа опять распределяется одинаково между искусными рабочими и неискусными», но и в действиях рабочих в новых для себя ситуациях. Речь идет о попытках организации ими в начале XX в. трудовых артелей, которые создавались «по тому же принципу – дать заработок возможно большему числу рабочего населения» (Озеров, 1910: 201), что ограничивало качественный состав персонала данной традицией.

Несмотря на то, что об истинной «глубине проникновения» уравнительной психологии в сознание рабочих судить достаточно трудно, поскольку в конце XIX – начале XX в. она носила вынужденный характер, связанный с консервацией в горнозаводской промышленности полукрепостнических отношений в процессе российской модернизации, которые привели к падению жизненного уровня, усилению стрессогенности жизненных ситуаций и естественной для традиционного мышления ориентации на сложившиеся установки сознания, именно через эти представления преломлялись идеи равенства, декларировавшиеся различными политическими партиями.

Исторически сложившаяся система горнозаводского производства и особенности формирования ее кадров обусловили и высокую ценность свободы для уральских рабочих. На это указывал еще Р. Попов, считая горнозаводское население «самым несчастнейшим среди остальной массы закрепощенного народа», поскольку «заводские крестьяне уже лишились права выбора промысла...; должны были работать на заводах или фабриках, их хозяйство зависело уже от завода

или фабрики, к которым они были приписаны: они собственно были работникам, рабами завода или фабрики» (Попов, 1874: 342).

На ценность свободы для уральских мастеровых указывали в середине XIX в. и чиновники самого высокого ранга. В отчете Бенкендорфа Николаю II в 1848 г. отмечалось, что крестьянские неповиновения, в том числе и на горных заводах Урала, происходили не только из-за притеснений, но и «из-за одной мысли иметь свободу» (Федорова, 1940: 71). Отмечая факт усиления волнений рабочих и заводских крестьян на Урале в 1860 г., начальник Уральских горных заводов их главной причиной называл слухи о предстоящем освобождении крестьян от крепостной зависимости, вследствие чего «заводские люди, вообще, сделались гораздо более требовательны, чем были прежде» (ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 300. Л. 164).

В конце XIX в. значимость свободы для уральских мастеровых наглядно демонстрируют такие сюжеты развития горнозаводской промышленности как введение новых расчетных книжек и эволюция поземельных отношений. И в том, и в другом случаях рабочие отказывались от принятия новых правил игры и наделения землей вплоть до открытых бунтов, считая книжки средством их нового закрепощения и возвращения в дореформенное состояние и усматривая в наделении их землей «поворот к закрепощению» и к «новому закреплению горнозаводчиками» (Положение рабочих, 1960: 169, 179).

В начале XX в. наиболее ярким свидетельством желанности свободы для уральских рабочих явились их реакция на Манифест 17 октября 1905 г. и «медовый месяц» революции в 1917 г. Типичную картину отношения к Манифесту на уральских заводах дает очевидец этих событий в Алапаевске. «Действие Манифеста было ошеломляющим. У многих при первых известиях слезы лились невольно из глаз, рука поднималась к небу. Знакомые целовались как в Христово воскресенье» (Долгожданная свобода, 1905). В марте 1917 г. рабочие Урала выражали свое отношение к свободе многочисленными митингами, панихидами и молебнами в память павших борцов за свободу, сбором средств в пользу их семей, и как все граждане обновленной России были опьянены свободой, неожиданно полученной «в запечатанном конверте».

Однако реализация свободы на практике осуществлялась совсем другими методами и для значительной части рабочих ассоциировалась с безнаказанностью, вседозволенностью, стремлением одним махом решить все свои проблемы и превращалась в вольницу, анархию, правовой беспредел, в свободу от контроля, закона, обязанностей, в свободу отрицания и разрушения. И властные структуры, и администрации заводов указывали в 1905 г. на «ложное толкование» горнозаводским населением дарованных Высочайшим Манифестом свобод, все проявления которого в обобщенном виде сводились к росту погромных настроений и насилия, особенно по отношению к представителям заводской администрации. Так, во время демонстрации рабочих 19 октября в Катав-Ивановском заводе днем и вечером были разгромлены две винные лавки. Ситуация повторилась 21 октября, когда, по сообщению жандармского унтер-офицера, «вся улица была запружена народом, водку таскали даже женщины, которым подавали громилы» (1905. Революционные события, 1925: 43). На Сергинско-Уфалейских заводах в случае отказа выполнить экономические требования рабочих они «угрожали насилием администрации и разгромом заводов» и, как сообщала администрация горного округа, «для успокоения умов рабочих, ввиду бессилия местной власти, при общем непонимании Манифеста и ложном толковании дарованных им свобод, нужны войска» (Высший подъем, 1955: 825). В ноябре рабочие Кыштымского завода призывали уничтожить администрацию (Высший подъем, 1955: 816), в Кизеловском и Пашийском заводах были брошены бомбы в дома управляющих (РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 114). Обобщая эту ситуацию, член Совета Министров Зайончковский отмечал, что «благодаря превратно понятым свободам», рабочее движение в Екатеринбургском уезде (а можно говорить об Урале в целом) «усилилось, принимая... главным образом, хулиганскую форму» (ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1907. Д.50. Ч.II. Л.14).

Эти же проявления свободы в предельно концентрированной форме проявились в условиях резкого ослабления властных структур, ощущения безнаказанности и вседозволенности, характерных для послефевральской России. Причем, если в годы первой российской революции об этом, в основном, говорили представители «той» стороны, то весной 1917 г. об этом с тревогой писали, говорили сами рабочие. Как отмечалось в корреспонденции из Сатки, рабочие понимали свободу «как свободу производить безнаказанно безобразия (хулиганство, расхищение общественного достояния, рубка лесов) и наносить оскорбления отдельным гражданам» (Дождались, 1917). В целом, это соответствовало национальному архетипу низовой культуры «свобода на все есть свобода».

О том, что подобные представления имели вневременную устойчивость, на протяжении веков сохраняли свои базовые основы, и в 1917 г., по-прежнему, ассоциировались с идеалом вольной жизни как возможности реализации групповых интересов, погулять вволю, никому не подчиняясь, свободы от обязанностей, безнаказанности и беззакония, свидетельствует тот факт, что среди массовых ожиданий свободы в мартовских телеграммах 1917 года такие ее базовые составляющие, как равенство, свобода слова, печати, личности находились на периферии общественного сознания, а образ будущей свободы, как и прежде, не обрел реальных очертаний, и его конструкция мыслилась в привычных категориях отрицания старого и утопических надежд на туманное, но светлое будущее

(РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1281.Л. 100-102, 91-96; Д. 1251. Л. 17-19, 22-24; Д. 1274. Л. 66-70; Д. 1253. Л. 100-105).

Близка и понятна массам была и большевистская тактика классово-непримиримости и революционного насилия. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к процессу социализации горнозаводской молодежи на пореформенном Урале. На насилии было построено обучение в заводских школах и малограмотными мастерами на индивидуальном уровне, знавшими, по свидетельству П.П. Бажова, «только псалтырь, краснопись, цифры и... треххвостную плетку как единственный способ насаждения премудрости в головы заводской детворы» (Бажов, 1986: 62-63). Поэтому, с детских лет рабочие считали физические наказания нормой и привыкли к ним. Их недовольство проявлялось, в основном, в случае несправедливого наложения взыскания. Не удивительно, что и для рабочих насилие являлось естественным и единственно знакомым средством достижения своих целей. Об этом знала и администрация, которая боялась именно стихийности и бунташности «действий скопом» с их стороны.

Действительно, факты насилия или угрозы его применения по отношению к представителям администрации являлись стабильным фоном социальных конфликтов на уральских заводах и в дореформенный период, и после отмены крепостного права. Их типичными проявлениями были взрывы и поджоги дров, угля, заводского имущества, угрозы физической расправы и смерти по отношению к представителям заводской администрации, случаи их избияния, массовая практика «учи» для низших служащих, вывозы на тачке управленцев разного уровня с территории завода. В своем предельном выражении подобную практику характеризует ситуация на Майкорском заводе в 1900 г., управляющий которого «держал одно время для охраны квартиры пушку, а со стороны рабочих неоднократно делались выстрелы» в его квартиру» (Подшивалов, 1925: 34).

Это не только закрепляло насилие в социокультурном коде уральских рабочих и переводило его на уровень коллективного бессознательного, но и легитимировало его в их глазах, поскольку на основе своего социального опыта они убеждались в гораздо большей эффективности подобных методов. Не случайно, главный начальник уральских горных заводов П. Боклевский, обобщая уроки забастовки рабочих Воткинского завода в марте 1902 г., указывал на беспомощность администрации в такой ситуации и появившуюся у рабочих убежденность в возможности достичь гораздо больших результатов силовыми методами (Металлисты Урала, 1926: 81).

Естественно, что в условиях революционной свободы, ощущения вседозволенности и безнаказанности полученный социальный опыт и сложившиеся стереотипы массового сознания актуализировали именно гены насилия, которые направляли действия рабочих как на сознательном, так и на бессознательном уровнях вне зависимости от отраслевой принадлежности, величины и типа собственности предприятия. В целом, если оставить в стороне извечный русский вопрос кто виноват?: «Власть тьмы или тьма власти», необходимо говорить о том, что и в 1917 г., и после победы большевиков именно «силовая» составляющая массового сознания являлась социально-психологической основой партийно-государственного насилия в общенациональном масштабе, и эти «параллельные миры» взаимно стимулировали и дополняли друг друга.

5. Заключение

Еще в 1918 г. авторы сборника «Из глубины» П. Струве и С. Франк отводили народным массам роль соучастника событий, от культурного, нравственного, психологического состояния которого во многом зависел триумф той или иной политической силы. Данный подход полностью применим к восприятию ими социалистических идей и созвучен взглядам современных авторов об избирательности влияния любой идеологии на социальную рефлексию низов, выбирающих из нее те компоненты, которые соответствуют их представлениям о сущем и должном. Говоря об этом, П. Струве писал, что массы воспринимают социализм «либо как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств» (Струве, 1990: 242).

Проведенный нами анализ подтверждает данные наблюдения. Как мы видим, в 1917 г. наряду с процессом навязывания массам соответствующих идеологических конструкций происходил «встречный» процесс влияния на партийно-политические доктрины народных представлений. В результате, как писал Н. Бердяев, под имиджем революционной России скрывается «образ старой России» (Бердяев, 1990а: 55), что означало архаичное упрощение социальной организации будущего общества на основе социокультурных и ментальных кодов традиционного сознания. Вербальное оформление новой социально-политической ситуации социалистическими клише и целыми лексическими штампами, вошедшими в разговорную речь социальных низов, не означало их осознанный политический выбор, а являлось новой оболочкой всеобщего отката в прошлое на основе традиционных поведенческих моделей.

Литература

1905. Революционные события, 1925 – 1905. Революционные события в Уфе и в уральских заводах. Уфа, 1925. 143 с.

Абросимова, 1994 – Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. //

- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб.: Глагол, 1994. С. 176-187.
- Алеврас, 1996** – *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996. 212 с.
- Бажов, 1986** – *Бажов П.П.* Уральские были. Соч.: в 3 т. М.: Правда, 1986. Т.3. С.5-77.
- Бердяев, 1990** – *Бердяев Н.* Духи русской революции // *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55-90.
- Бердяев, 1990** – *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 223 с.
- Высший подъем, 1955** – Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание. Ч 2. М.: Наука, 1955. 1285 с.
- Заболотный и др., 1997** – *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертыйшинский Ф.Т.* Урал накануне великих потрясений 1917 года (историографический очерк). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. 192 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Дождались, 1917** – *Дождались, 1917 // Известия Златоустовского Совета рабочих депутатов.* 1917. 28 марта.
- Долгожданная свобода, 1905** – Долгожданная свобода // *Уральская жизнь.* 1905. 23 октября.
- Исторический очерк, 1896** – Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. 226 с.
- Коробков, 2010** – *Коробков Ю.Д.* Социальный облик горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения // *Проблемы российской истории.* М., Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2010. Вып. X. С. 5-17.
- Металлисты Урала, 1926** – Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск. 1926. 206 с.
- Мионов, 1999** – *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). В 2 т. СПб.: Изд-во Дм. Булавин, 1999. Т. 1. 549 с.
- Митинский, 1909** – *Митинский А.Н.* Горнозаводской Урал. СПб., 1909. 244 с.
- Озеров, 1910** – *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. 253 с.
- Подшивалов, 1925** – *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале. 1917–1918. М.: Воениз, 1925. 221 с.
- Положение рабочих, 1960** – Положение рабочих Урала во второй половине XIX – нач. XX в. 1861–1904. М.-Л.: Наука, 1960. 665 с.
- Попов, 1874** – *Попов Р.* Горнозаводской Урал // *Отечественные записки.* 1874. №2. С. 299-372.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Савич, 1931** – *Савич А.А.* Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв. М.: Изд-во ВЦСПС, 1931. 179 с.
- Струве, 1990** – *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Из глубины: Сборник статей о русской революции.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 235-251.
- Фельдман, 2001** – *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 432 с.
- Федорова, 1940** – *Федорова Б.* Крепостной Тагил. Свердловск: Обл. изд-во, 1940. 112 с.
- Шепелева, 2005** – *Шепелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 г. в России. (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005. 346 с.

References

- 1905. Revolyutsionnyie sobyitiya, 1925** – 1905. Revolyutsionnyie sobyitiya v Ufe i v uralskih zavodah [1905. The revolutionary events in Ufa in the Ural factories]. Ufa, 1925. 143 p. [in Russian]
- Abrosimova, 1994** – *Abrosimova T.A.* (1994). Sotsialisticheskaya ideya v massovom soznanii 1917 g. [The socialist idea in the mass consciousness of 1917] // *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'.* SPb.: Glagol Publ., pp. 176-187 [in Russian]
- Alevras, 1996** – *Alevras N.N.* (1996). Agrarnaya politika pravitelstva na gornozavodskom Urale v nachale XX v. [The agricultural policy of the government on Gornozavodsk Urals in the early XX century]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 212 p. [in Russian]
- Bazhov, 1986** – *Bazhov P.P.* (1986). Uralskie byili. [The Ural was] Soch.: v 3 t. M.: Pravda Publ., T.3. pp. 5-77 [in Russian]
- Berdyaev, 1990** – *Berdyaev N.* (1990). Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian revolution] // *Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii.* M.: Mosk. un-t Publ., pp. 55-90 [in Russian]
- Berdyaev, 1990** – *Berdyaev N.* (1990). Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. M.: Nauka Publ., 223 p. [in Russian]
- Vysshiy pod'em, 1955** – *Vysshiy pod'em revolyutsii 1905–1907 gg. Vooruzhennoe vosstanie.* [The highest rise of the revolution of 1905–1907 Armed uprising]. Ch 2. M.: Nauka Publ., 1955. 1285 p. [in Russian]
- Zabolotnyi i dr., 1997** – *Zabolotnyi E.B., Kamynin V.D., Tertyshnyi F.T.* (1997). Ural nakanune velikikh potryasenii 1917 goda (istoriograficheskii ocherk) [Ural on the eve of the great upheaval of 1917 (historiographic essay)]. Tyumen': Publ TyumGU, 192 p. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyi arhiv Rossiyskoy federatsii [State archive of the Russian Federation]
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]
Dozhdalis, 1917 – Dozhdalis [Wait] // Izvestiya Zlatoustovskogo Soveta rabochikh deputatov. 1917. 28 marta [in Russian]
Dolgozhdannaya svoboda, 1905 – Dolgozhdannaya svoboda [The long-awaited freedom] // Uralskaya zhizn'. 190 Polozhenie rabochikh 5. 23 oktyabrya [in Russian]
Istoricheskiy ocherk, 1896 – Istoricheskiy ocherk uralskikh gornyykh zavodov [Historical sketch of the Ural mountain plants]. SPb., 1896. 226 p. [in Russian]
Korobkov, 2010 – *Korobkov Yu.D.* (2010). Sotsialnyi oblik gornozavodskikh rabochikh Urala v poreformennyi period: osobennosti formirovaniya i opredeleniya [The social image of mining and metallurgical workers of the Urals in the post-reform period: the features of formation and definition] / Problemy rossiiskoi istorii. M., Magnitogorsk: Publ. IRI RAN; MaGU. Vyp. X. pp. 5-17. [in Russian]
Metallisty Urala, 1926 – Metallisty Urala nakanune i v period 1905 g. [The Metalworkers of the Urals on the eve and in the period 1905]. Sverdlovsk. 1926. 206 p. [in Russian]
Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX v.) [Social history of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. V 2 t. SPb.: Publ. Dm.Bulavin, T.1. 549 p. [in Russian]
Mitinskii, 1909 – *Mitinskii A.N.* (1909). Gornozavodskoi Ural [Gornozavodskoy Urals]. SPb., 244 p. [in Russian]
Ozerov, 1910 – *Ozerov I.Kh.* (1910). Gornye zavody Urala [Mountain plants of the Urals]. M., 253 p. [in Russian]
Podshivalov, 1925 – *Podshivalov I.* (1925). Grazhdanskaya borba na Urale. 1917–1918 [Civil struggle in the Urals. 1917–1918]. M.: Voengiz Publ., 221 p. [in Russian]
Polozhenie rabochikh, 1960 – Polozhenie rabochikh Urala vo vtoroi polovine XIX – nach. XX v. 1861–1904 [The situation of workers of the Urals in the second half of XIX – early XX century, 1861–1904]. M.- L.: Nauka Publ., 1960. 665 p. [in Russian]
Popov, 1874 – *Popov R.* (1874). Gornozavodskoi Ural [Gornozavodskoy Urals]. *Otechestvennye zapiski*. №2. pp. 299-372. [in Russian]
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive] [in Russian]
Savich, 1931 – *Savich A.A.* (1931). Ocherki istorii krestyanskikh volnenii na Urale v XVIII–XX vv. [Essays on the history of peasant unrest in the Urals in XVIII–XX centuries.]. M.: VCSPS Publ., 179 p. [in Russian]
Struve, 1990 – *Struve P.B.* (1990). Istoricheskiy smysl russkoi revolyutsii i natsionalnye zadachi [The historical meaning of the Russian revolution and national tasks] // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Mosk. un-t Publ., pp. 235-251. [in Russian]
Feldman, 2001 – *Feldman M.A.* (2001). Rabochie krupnoi promyshlennosti Urala v 1914–1941 gg. [Workers of major industries of the Urals in the 1914–1941]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 432 p. [in Russian]
Fedorova, 1940 – *Fedorova B.* (1940). Krepostnoy Tagil [Fortress Tagil]. Sverdlovsk: Obl. Publ., 112 p. [in Russian]
Shepeleva, 2005 – *Shepeleva V.B.* (2005). Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsessa 1917 g. v Rossii. (Po materialam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii) [Revolucionaria. The problem of the prerequisites of the revolutionary process of 1917 in Russia.]. Omsk: Omskiy un-t Publ., 346 p. [in Russian]

УДК 93/94

Социально-психологические основы представлений рабочих горнозаводского Урала о социализме в 1917 г.

Юрий Дмитриевич Коробков ^{a,*}, Андрей Геннадьевич Дорожкин ^a, Олеся Юрьевна Стародубова ^a^a Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Российская Федерация

Аннотация. На основании широкого привлечения разнообразных опубликованных и архивных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые, в статье предпринята попытка проанализировать социально-психологические особенности рабочих горнозаводского Урала, которые способствовали успеху социалистической пропаганды в их среде в 1917 г. В результате исследования мы пришли к выводу, что питательной почвой восприятия ими социалистических идей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Ю.Д. Коробков), andrew-67@mail.ru (А.Г. Дорожкин), Starodubova_olesya@mail.ru (О.Ю. Стародубова)

стали такие «доморощенные» фантомы сознания, как обоснование своих прав на собственность ее трудовым происхождением и правом давности, патерналистско-иждивенческое понимание социальной справедливости, отношение к равенству как уравнительности, восприятие свободы как всеобщей вольницы, вседозволенности и безнаказанности, отношение к насилию как к универсальному, эффективному и понятному для них способу решения личных, групповых и общенациональных проблем. Они являлись не только основой восприятия рабочими реальности и соответствующего им спрямления социалистической риторики политических партий, но и ментальной матрицей социокультурного упрощения будущего социалистического общества. Наряду с этим, вербальное оформление новой социально-политической ситуации социалистическими клише и целыми лексическими штампами и их массовая трансляция в повседневной жизни социальных низов не означали их осознанный политический выбор, а в совокупности с агрессивным характером социальных движений являлись средством элементарного социального выживания. Поскольку, этот процесс происходил в рамках традиционной политической культуры и привычных массам адаптационных моделей, то освоение новой социальной реальности во многом осуществлялось путем всеобщего отката в прошлое.

Ключевые слова: рабочие Урала, социализм, собственность, свобода, равенство, социальная справедливость, пропаганда.